

Проблема воспитанія по Спенсеру.¹⁾

Мы прослѣдили въ общихъ чертахъ всѣ главнѣйшія мысли Спенсера о воспитаніи. Кратко резюмируя ихъ, мы видимъ, что воспитанію англійскій философъ отводитъ весьма важную роль въ общемъ эволюціонномъ процессѣ чело-вѣческаго существованія, что конечную цѣль воспитанія онъ опредѣляетъ въ смыслѣ наилучшаго обезпеченія человѣку „полной жизни“, складывающейся изъ пяти видовъ чело-вѣческой дѣятельности, что средствомъ, одинаково важнымъ для подготовки ко всѣмъ этимъ родамъ дѣятельности, должна служить наука и, наконецъ, что руководящія начала для правильнаго примѣненія этого средства, т. е. воспита-тельнаго воздѣйствія въ области умственнаго, нравственнаго и физическаго развитія питомца, должны быть взяты отъ при-роды; поэтому „методъ природы“—вотъ единственно правиль-ный и надежный методъ воспитанія. Перейдемъ къ оцѣнкѣ этихъ и вытекающихъ изъ нихъ частнѣйшихъ педагогиче-скихъ положеній Спенсера.

Предъ нами ясная, проникнутая однимъ основнымъ то-номъ, цѣльная и яркая педагогическая картина. Въ основѣ ея положена одна идея—эволюція; проведена эта идея по-слѣдовательно, неуклонно, во всѣхъ затронутыхъ здѣсь сто-ронахъ воспитательнаго дѣла. Общій очеркъ сдѣланъ мастер-ски, талантливо, смѣлыми и яркими штрихами, съ живыми, мѣткими, характерными иллюстраціями, придающими и на-

¹⁾ См. Т. К. Д. А. 1908 г. іюнь.

и болѣе глубокимъ мыслямъ философа тотъ легкій и увлека-
тельный стиль, благодаря которому онѣ становятся доступ-
ными каждому читателю. Далѣе, въ самомъ содержаніи
этой педагогич. такъ много заманчиваго, соблазнительно-
прекраснаго. Принципъ „природосообразности“ въ воспита-
ніи, получившій у Спенсера ту широкую „космическую“
постановку, которую хотѣли дать ему уже Амосъ Комен-
скій и еще болѣе Фридрихъ Фребель, превращаетъ все дѣло
воспитанія въ естественный процессъ саморазвитія питомца.
Все дѣло воспитателя сводится лишь къ разумной, осно-
ванной на правильномъ пониманіи законовъ природы, по-
мощи свободному саморазвитію юнаго человѣческаго суще-
ства, совершающемуся подъ неизбѣжнымъ и постояннымъ
вліяніемъ однихъ и тѣхъ же законовъ, царящихъ во всей
природѣ. При такой постановкѣ воспитаніе, чуждое всякаго
насилія, протекаетъ въ атмосферѣ теплыхъ любовныхъ от-
ношеній между воспитателемъ и питомцемъ, гарантируя по-
слѣднему полную свободу, постоянное здоровое жизнера-
достное настроеніе и всѣ условія для столь цѣнной личной
широкой самодѣятельности. Въ результатѣ же система
эта сулитъ образованіе цѣльнаго самостоятельнаго характе-
ра, человѣка съ сильною волею, съ ярко выраженными, хо-
рошо развитыми индивидуальными способностями. Не
удивительно, что столь заманчивыя на первый взглядъ пер-
спективы, такъ мастерски нарисованныя, съ философски-на-
туралистическимъ обоснованіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ по-
пулярномъ живомъ изложеніи, должны были сразу при-
влечь общее вниманіе и сдѣлать маленькіе педагогическіе
трактаты Спенсера наиболѣе популярными изъ всѣхъ лите-
ратурныхъ произведеній его. Однако всмотримся въ эту ин-
тересную картину внимательнѣе.

Прежде всего, здѣсь ясно и категорически твердо по-
ставлено рѣшеніе одной изъ важнѣйшихъ педагогическихъ
проблемъ—вопроса о конечной цѣли воспитанія: цѣль эта—

подготовка питомца къ „полной жизни“, послѣдняя-же опредѣляется пятью видами человѣческой дѣятельности, располагающимися въ порядкѣ эго-альтруистическомъ, по степени важности ихъ для личнаго благополучія челоѣка. Вотъ первый тезисъ Спенсеровой педагогики. Если бы мы задались цѣлью прослѣдить всѣ тѣ различныя видоизмѣненія, какія принимало рѣшеніе этого вопроса въ общемъ процессѣ историческаго развитія педагогическихъ идей, то мы нашли бы, конечно, большое разнообразіе въ нихъ.

Уже въ дохристіанскомъ мірѣ, съ его общею узко-національною точкой зрѣнія, вопросъ этотъ рѣшался неодинаково—въ зависимости отъ различныхъ причинъ и условій, вліявшихъ на развитіе и характеръ національныхъ чертъ каждаго народа, проявлявшихся въ его религіи, философіи, въ его государственномъ и общественномъ строѣ, во всѣхъ сторонахъ его быта. Въ зависимости отъ той или другой черты, господствовавшей въ характерѣ народа или въ строѣ его жизни, складывается здѣсь взглядъ на челоѣка и его назначеніе, который въ свою очередь давалъ тонъ и направленіе воспитанію. Такимъ образомъ, то семейный или кастовый укладъ жизни, то ярко выраженные узко-національныя тенденціи государственнаго строя, то преобладаніе эстетическихъ или религіозныхъ элементовъ въ міровоззрѣніи имѣли рѣшающее значеніе при опредѣленіи различными народами дохристіанскаго міра воспитательнаго идеала ихъ.

Христіанство принесло свое рѣшеніе вопроса, въ которомъ господствуетъ элементъ нравственный, опиравшійся на вѣчную религіозную основу. Поэтому все, что могла сдѣлать челоѣческая мысль потомъ, если она шла сознательно или безсознательно путемъ, намѣченнымъ въ христіанствѣ, должно было направляться лишь къ постепенному проникновенію въ глубины этого идеала, къ возможно большому уясненію его, къ такому или иному освѣщенію

различныхъ сторонъ въ немъ, выдвигавшихся на первый планъ въ зависимости отъ духа времени и различныхъ историческихъ причинъ. И если мы обратимся къ корифеямъ педагогической мысли въ христіанскую эпоху, то въ этой телеологической части ихъ педагогіи найдемъ, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, именно такой характеръ ея, выраженный, правда, то болѣе, то менѣе ясно.

Для иллюстраціи, конечно, было бы недостаточно указать на педагогію самихъ представителей христіанской церкви и прежде всего—великихъ „отцовъ и учителей“ первыхъ вѣковъ христіанства, всецѣло проникнутую духомъ ученія Христова. Мало доказательнымъ можетъ представляться и примѣръ Амоса Коменскаго съ его „Великою Дидактикою“, построенною на христіанской идеѣ человѣческаго назначенія и, въ частности, съ 24 главою въ этомъ капитальномъ трудѣ его, представляющею цѣлую систему христіански-религіознаго воспитанія, какъ необходимой основы въ развитіи истинно-человѣческой личности: Коменскій, педагогъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и пастырь церкви, могъ ли иначе построить свою педагогическую систему! Естественно, что рѣшеніе коренного вопроса воспитанія—о конечной цѣли его у всѣхъ такихъ педагоговъ, дѣятельность которыхъ посвящена была въ то же время служенію церкви, должно было итти путемъ уясненія или жизненнаго осуществленія нравственныхъ идеаловъ христіанства. Но вспомнимъ, напр., хотя бы англійскаго философа Локка съ его „Мыслями о воспитаніи“: идеаль челоуѣка сознательно и въ христіанскомъ смыслѣ добродѣтельнаго, разумно и свободно подчиняющагося нравственному закону, начертанному въ Евангеліи, вотъ къ чему, по его мнѣнію, должно направляться, какъ къ своей конечной цѣли, воспитаніе ¹⁾. Вспо-

¹⁾ См. *Some Thoughts concerning Education*. By John Locke §§ 70, 135 и 136. „Я ставлю добродѣтель, говоритъ Локкъ, пер-

мнимъ, далѣе, великаго народнаго печальника, восторженнаго мученика идеи народнаго блага Генриха Песталоцци. Вся полувѣковая дѣятельность его была проникнута однимъ духомъ самоотверженной любви къ человѣку. Она лежала въ основѣ всѣхъ его горячихъ альтруистическихъ порывовъ; она толкала его къ тѣмъ поразительнымъ педагогическимъ опытамъ, которые по идеальности замысла нерѣдко производили на современниковъ впечатлѣніе безумія. Естественнo, что и вся педагогическая теорія его построена на томъ же началѣ любви, а идеальнo воспитанія, опредѣляющійся въ смыслѣ гармоническаго развитія всѣхъ сторонъ человѣческаго существа, носить возвышенный христіанскій этический характеръ, такъ какъ господствующее значеніе въ устроеніи человѣческой личности отводится нравственной сторонѣ ея, развивающейсѣ, какъ дерево изъ корней, изъ двухъ чувствъ—любви и вѣры, притомъ вѣры религіозной ¹⁾.

вымъ и самымъ существеннымъ (necessary) изъ душевныхъ качествъ, которыми долженъ обладать человѣкъ или джентльменъ, —безусловно необходимымъ для того, чтобы онъ пользовался уваженіемъ и любовью другихъ и имѣлъ цѣну и значеніе въ собственныхъ глазахъ. Безъ нея, я думаю, онъ не будетъ счастливъ ни въ этомъ, ни въ другомъ мірѣ“ (§ 135). Поэтому „добродѣтель, неуклонная добродѣтель—вотъ трудная и важная цѣль, къ которой должно стремиться въ воспитаніи... Всѣ другія соображенія и цѣли должны уступить ей дорогу и отойти на второй планъ“... (§ 70). Основою же истинной добродѣтели должна быть религія: „какъ основаніе добродѣтели должно очень рано напечатлѣть въ душѣ (питомца) правильное понятіе о Богѣ“... (§ 136). Ср. „Мысли о воспитаніи Джона Локка“ въ перев. П. Вейберга. СПб. 1820, стр. 68 и 153.

¹⁾ Относящіяся сюда мысли Песталоцци встрѣчаются во многихъ сочиненіяхъ его. См., напр., его „Взгляды и опыты, касающіеся идеи элементарнаго образованія (въ русскомъ перев. В. Смирнова: „Генриха Песталоцци мелкія сочиненія. М. 1896“) особенно—п. IV, §§ 6—7; V, 4—8; VII, 12—17; VIII, 6—10. „Лебединая пѣснь“, осо-

Ученикъ и продолжатель идей Песталоцци Фридрихъ Фребель со своими стремленіями утвердить и болѣе обосновать систему своего учителя путемъ тщательнаго изученія дѣтской природы въ первые годы ея развитія, а также и природы вообще, назначеніе человѣка понималъ въ смыслѣ все большаго постиженія человѣкомъ и обнаруженія во внѣ того божественнаго начала, какое присуще ему. Отсюда и конечная цѣль воспитанія, по его мнѣнію,—„возвышеніе (человѣческаго существа) до свободной сознательной жизни согласно этому божественному началу“. „Воспитаніе должно привести человѣка къ познанію самого себя, къ познанію Бога и природы и довести до находящейся въ зависимости отъ этого чистой и святой

бенно—§§ 18, 42, 107, 111, 113, 117, 138, 139 и др. „Какъ Гертруда учить своихъ дѣтей“, особенно письма XIII и XIV. См. также, *Meine Nachforschungen über den Gang der Natur in d. Entwicklung des Menschengeschlechts*“ (Pestalozzi's sämtliche Werke. Von L. W. Seyffarth. B. IX. Brandenburg a. H. 1871). Наиболѣе характерными можно считать слѣдующія слова Песталоцци: „безъ любви и безъ вѣры нѣтъ начала той нити, отъ которой одной исходитъ, которою продолжается и заканчивается всякое истинное развитіе человѣчности. Однимъ словомъ, вѣра и любовь суть Λ и Ω естественнаго (природосообразнаго—*naturgemäßen*), слѣдовательно, элементарнаго образованія человѣка (*zur Menschlichkeit*). Умственное и эстетическое образованіе суть лишь подчиненныя этому образовательныя средства, и только при такомъ подчиненіи они и могутъ приводить къ цѣли—къ гармоніи и равновѣсію нашихъ силъ“ (Pestalozzi's *Schwanengesang*: Sämtl. Werke, B. XIV. 1872. SS. 136—137. Ср. въ перев. В. Смирнова, стр. 461). Ср. еще о значеніи любви для этой цѣли въ „*Einige meiner Reden an mein Haus*“: „An Neujahrstage 1809“ (Seyffarth B. XIII, 1871, S. 33); о значеніи вѣры и, въ частности, вѣры религіозной—въ „*Abendstunde eines Einsiedlers*“ (Seyffarth B. I. 1873, SS. 61—62) и особенно: *so ist der Glaube an Gott die Quelle aller Weisheit und alles Segens und die Bahn der Natur zur reinen Bildung der Menschheit*.

жизни" ¹⁾. Вспомнимъ еще педагога философа, знаменитаго Гербарта съ его психологіей и съ его педагогическими трудами, представляющими первую попытку дать научную психологическую основу педагогической теоріи. Этический идеаль его опредѣляется пятью нравственными идеями. Конечная же цѣль воспитанія—выработка соответствующаго этому идеалу нравственнаго характера. Это коренной вопросъ той части педагогики Гербарта, которую называетъ онъ „нравственнымъ образованіемъ“ (Zucht), но къ правильному рѣшенію его направляются и обѣ другія части въ ней—и „управленіе“ (Regierung der Kinder) и „обученіе“ (Unterricht); все это лишь ступени, ведущія къ достиженію одной и той же цѣли. „Человѣкъ долженъ быть воспитанъ къ добродѣтели, въ полнѣйшемъ смыслѣ (im ganzen und reichen Sinne) этого слова“ ²⁾. „Добродѣтель—вотъ имя для всей полноты педагогической цѣли“ ³⁾. „Послѣдняя конечная цѣль обученія заключается въ понятіи добродѣтели“ ⁴⁾. „Обученіе безъ нравственнаго образованія было бы средствомъ безъ цѣли; нравственное же образованіе (образованіе характера) безъ обученія—цѣлью безъ средствъ“ ⁵⁾. Воспитывающее обученіе (Erziehung durch Unterricht),—эта главнѣйшая изъ трехъ частей педагогики Гербарта съ ближайшею задачею своею—пробужденіемъ и развитіемъ „многосторонняго интереса“

¹⁾ См. Избранныя сочиненія Фридриха Фребеля. Т. I. Воспитаніе человѣка. Перев. И. Д. Городецкаго. М. 1906. Стр. 8, 13, 15, 27.

²⁾ Aphorismen zur Pädagogik, § 1. См. Joh. Friedr. Herbart's Pädagogische Schriften. Herausg. von Dr. Fr. Bartholomäi, 5-te Aufl., bearb. v. Dr. E. von Sallwürk. В. II. Langensalza, 1891, S. 379.

³⁾ Umriss pädagogischer Vorlesungen, § 8. Pädag. Schriften, B. I, S. 295.

⁴⁾ Ibid. § 62 (B. I, S. 306).

⁵⁾ Aphorismen zur Pädagogik, § 122 (B. II, S. 429).

въ шести видахъ его,—должно направляться къ одной конечной цѣли—созданію нравственнаго характера: только пробужденіе и правильное развитіе всѣхъ лучшихъ силъ и способностей человѣческой души („многосторонній интересъ“) могутъ обезпечить человѣку успѣхъ въ той самостоятельной нравственной работѣ надъ собою (субъективная сторона характера), которая должна завершиться образованіемъ высокой нравственной личности¹⁾.

Приведенные примѣры относятся къ числу наиболѣе выдающихся въ исторіи педагогикі по своему вліянію на процессъ развитія ея—въ теоретическомъ или практическомъ смыслѣ. Въ томъ же духѣ и направленіи рѣшался вопросъ о конечной цѣли воспитанія и очень многими другими мыслителями и практическими дѣятелями въ педагогической области. Но при этомъ вполнѣ естественно было появиться и нѣсколько инымъ, своеобразнымъ штрихамъ и оттѣнкамъ въ рѣшеніи этого вопроса. Если всякая наиболѣе важная идея, въ процессѣ постепеннаго раскрытія и уясненія ея, переживаетъ различныя, притомъ далеко не всегда послѣдовательныя стадіи и свою сложную судьбу, то тѣмъ болѣе такой важный и вмѣстѣ съ тѣмъ сложный вопросъ, рѣшеніе котораго всегда стоитъ въ непосредственной связи съ пониманіемъ человѣка и его назначенія. Неудивительно поэтому, что подъ вліяніемъ соответствующихъ историческихъ причинъ могли возникнуть въ свое время и идеалы „возрожденія“ съ своеобразными стремленіями найти средства для развитія свободной прекрасной человѣческой личности въ далекомъ полузабытомъ прошломъ, въ отодвинувшемся въ глубокую даль вѣковъ мірѣ античномъ. Понятными съ этой

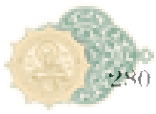
¹⁾ См. Umrisz pädagogischer Vorlesungen, 2-ter Teil. Cp Allgemeine Pädagogik aus dem Zweck der Erziehung abgeleitet (въ русск. перев. А. В. Адольфа: „Главнѣйшія педаг. сочиненія Іог. Гербарта въ систематическомъ извлеченіи“. М. 1906).

точки зрѣнія представляются и тѣ яркія, полныя злого циничнаго сарказма страницы въ „Les Essais“ Монтэни, на которыхъ этотъ пылкій новой формациі эпикуреецъ XVI вѣка рисуетъ свой идеаль воспитанія свободной самостоятельной человѣческой личности, ничѣмъ не поражающей въ своемъ эпикурейски-философскомъ спокойствіи, „умѣющей хорошо жить и хорошо умереть“: были свои причины, породившія своеобразный „цинизмъ“ горячаго француза. Нѣтъ ничего страннаго, далѣе, и въ томъ, что вслѣдъ за этимъ педагогическимъ предтечею своимъ, хотя уже два вѣка спустя, явился одинъ изъ корифеевъ блестящаго вѣка просвѣщенія гениальный, хотя и не совсѣмъ здоровой души авторъ „Эмиля“. L'homme de la nature Жанъ Жака Руссо, этотъ эфемерный идеаль „человѣка естественнаго“, въ безпредѣльно широкомъ космополитическомъ освѣщеніи, чуждаго всякихъ ограниченій, этотъ идеаль явился какъ горячій протестъ генія противъ крайностей современной ему односторонней извращенной культуры и какъ призывъ назадъ, къ утраченной естественной простотѣ, къ природѣ.

Что же удивительнаго послѣ этого, если въ силу особыхъ условій національнаго и историческаго характера и англійскій философъ-натуралистъ въ вѣкъ расцвѣта естественныхъ наукъ и среди разгара узко-практическихъ тенденцій своей націи выдвинулъ въ своей педагогіи соотвѣствующій этому, на первый взглядъ кажущійся столь оригинальнымъ идеаль человѣка, способнаго жить „полною жизнью“. Умѣть сохранить себя и поддержать свое личное благополучіе среди различныхъ условій жизни, умѣть выполнить родительскія и гражданскія обязанности и, наконецъ, въ досужую минуту умѣть пользоваться эстетическими удовольствіями—вотъ все по Спенсеру, чего можно и нужно требовать отъ человѣка. Поэтому дѣло воспитанія снабдить питомца нужными для этого знаніями, притомъ знаніями научными, какъ единственно цѣнными во всѣхъ

отношеніяхъ. Такъ просто и вмѣстѣ съ тѣмъ, повидимому, такъ строго логично рѣшается этотъ глубочайшій важности вопросъ, съ такимъ трезвымъ пониманіемъ жизни и человѣка. И нельзя приписать случаю, что такой идеалъ начертанъ философскимъ перомъ именно англичанина; отъ него вѣтъ такимъ „здоровымъ“ практицизмомъ англо-саксонскаго племени, наименѣе склоннаго къ „иллюзіямъ“ отвлеченнаго идеализма. Между тѣмъ можно ли на этомъ рѣшеніи кореннаго вопроса педагогіи успокоиться, признавъ его вполне отвѣчающимъ — не духу времени и характеру націи, а глубочайшимъ и вѣчнымъ запросамъ общечеловѣческаго духа и критическому суду общечеловѣческаго разума?

Вопросъ этическій по существу получаетъ у Спенсера такую постановку, при которой именно нравственный элементъ въ немъ какъ будто совершенно отсутствуетъ или во всякомъ случаѣ становится слишкомъ мало замѣтнымъ. Въ этомъ идеалѣ „полной жизни“, съ пятью видами человѣческой дѣятельности и съ цѣлою системою наукъ, необходимыхъ для подготовки къ нимъ, мы совершенно не находимъ того, что обыкновенно считается столь необходимымъ человѣку, чтобы стать истиннымъ человѣкомъ, т. е. существомъ нравственнымъ, а не только внѣшне и матеріально благополучнымъ. Не говоря уже о томъ, что въ этой „полной“ программѣ человѣческихъ обязанностей совершенно исключена обязанность человѣка къ Богу, т. е. зачеркнута цѣлая религіозная область человѣческой души, помимо этого, вообще вопросъ о высшей нравственной сторонѣ личности питомца, какъ о предметѣ особыхъ заботъ воспитателя, предъявляющемъ свои задачи и требующемъ поэтому и своихъ особыхъ средствъ для выполненія таковыхъ, — этотъ вопросъ какъ будто совершенно не имѣется въ виду у Спенсера. Для подготовки ко всѣмъ видамъ дѣятельности, изъ которыхъ складывается человѣческая жизнь, нужна по Спенсеру наука; но во всей сложной программѣ перечисля-

емыхъ имъ наукъ, начиная фізіологіей и оканчивая „описательною соціологіей“, мы не видимъ ни одной, на которую онъ указывалъ бы какъ на средство именно нравственнаго воспитанія; въ этомъ отношеніи онъ ограничивается лишь нѣсколькими замѣчаніями о нравственно-образовательномъ значеніи науки вообще. Такимъ образомъ, нравственная сторона человѣческой личности, ея значеніе и средства правильнаго воспитанія ея въ этой телеологической части педагогіи Спенсера какъ будто слишкомъ мало интересуютъ его. Но такъ-ли? Могъ ли такой глубокой философскій „всеобъемлющій“ умъ оставить безъ вниманія то, что обыкновенно признается столь важнымъ, принадлежащимъ самой сущности человѣческой личности? Это было бы не только не простиительно философу, но и слишкомъ странно. Очевидно, такая постановка идеала имѣетъ свое основаніе; онъ начертанъ не какъ нибудь, поверхностно и случайно, безъ надлежащаго широкаго и вдумчиваго обсужденія; въ основѣ его лежитъ свой особый принципъ. Для уясненія послѣдняго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для правильной оцѣнки этого тезиса педагогіи Спенсера необходимо обратиться къ его этикѣ.

Изучить всѣ детали капитальнаго труда англійскаго философа, которому самъ онъ придавалъ особенно важное значеніе, прослѣдить весь сложный процессъ мысли автора, по обыкновенію, начинающаго „ab ovo“, много разъ пересматривающаго каждую свою мысль и обставляющаго свои положенія разнообразными данными науки и жизни, задача очень сложная. Не ставя таковой для настоящаго краткаго очерка, преслѣдующаго свою спеціальную цѣль педагогическаго характера, возьмемъ лишь нѣкоторые, представляющіеся самыми существенными, положенія Спенсера, опредѣляющія взглядъ его на нравственную область въ человѣкѣ. И здѣсь мы найдемъ ту же строго эволюціонную

точку зрѣнія, что и во всей философіи Спенсера, проведенную съ тою же настойчивостью.

Поставивъ исходнымъ пунктомъ для сужденій о нравственности „поведеніе“ и прослѣдивъ постепенный прогрессъ въ развитіи поведенія, понимаемаго въ самомъ широкомъ смыслѣ, до той ступени, когда оно, и именно у человѣка какъ существа наиболѣе высоко развитого, пріобрѣтаетъ характеръ нравственной вмѣняемости, подлежитъ нравственной оцѣнкѣ¹⁾. Спенсеръ углубляется въ анализъ понятій „хорошій“ и „дурной“ въ приложеніи къ области сначала чуждой этикѣ, въ нравственномъ отношеніи безразличной, а затѣмъ къ подлежащей этической оцѣнкѣ. Въ обѣихъ понятіяхъ хорошій и дурной, по его мнѣнію, обозначаютъ одно и то же: хорошее или плохое приспособленіе предмета или дѣйствія къ предназначенной для нихъ цѣли, причѣмъ главною, ковечною цѣлью человѣческихъ дѣйствій является самосохраненіе человѣка въ его личной и общественной жизни. Но такъ какъ въ цѣляхъ отдѣльныхъ дѣйствій человѣка могутъ быть коллизіи и столкновенія, вслѣдствіе того, что дѣйствія эти могутъ имѣть въ виду „или его самого, или его дѣтей, или его согражданъ“, т. е. другихъ людей, то и въ приложеніи къ нимъ понятій хорошій и дурной происходитъ нѣкоторая „спутанность“. Однако „когда мы распутаемъ эти три порядка цѣлей и станемъ разсматривать каждый изъ нихъ отдѣльно, то намъ сейчасъ же станетъ ясно, что поведеніе, достигающее цѣли въ какомъ либо изъ этихъ порядковъ, считается относительно хорошимъ, а поведеніе, не достигающее этого, относительно дурнымъ;“ „самымъ же лучшимъ считается оно лишь тогда, когда выполняетъ сразу всѣ три класса цѣлей“²⁾.

¹⁾ См. „Основанія этики“, ч. I: „Данная этика“, гл. I и II.

²⁾ Тамъ же, гл. III, § 8, стр. 14 и 16.

Продолжая свой анализъ дальше, философъ ставитъ вопросъ; „не скрывается ли въ этихъ сужденіяхъ о поведеніи нѣкотораго основного постулата“,—основного положенія, изъ котораго всѣ они исходятъ? Таковое, по его мнѣнію, есть и заключается не въ чемъ иномъ, какъ въ признаніи, что жизнь человѣка, и личная и общественная, стѣдѣтъ того, чтобы заботиться о сохраненіи ея. Но и это положеніе, далѣе, нужно принять,—примирая крайности оптимизма и пессимизма,—лишь съ такою необходимою оговоркою: „жизнь является благомъ или зломъ, смотря по тому, приноситъ ли она съ собою или не приноситъ избытокъ пріятнаго чувствованія“. А если такъ, то слѣдовательно и человѣческое поведеніе нужно признавать хорошимъ или плохимъ въ зависимости отъ того, влечетъ оно за собою пріятныя или непріятныя слѣдствія, или, точнѣе, „смотря по тому, пріятна или непріятна общая сложность его послѣдствій“. Итакъ, конечнымъ критеріемъ въ сужденіяхъ о хорошемъ и дурномъ Спенсеръ признаетъ чувство пріятнаго или непріятнаго: „хорошее, говоритъ онъ, есть, по всеобщему признанію, ничто иное, какъ пріятное“ ¹⁾ Чтобы провѣрить состоятельность этого критерія своего, философъ, далѣе, пробуетъ примѣнить его ко всѣмъ существующимъ этическимъ системамъ, раздѣливъ ихъ на четыре вида или категоріи, „сообразно тому, берутъ ли онѣ своею основною идеею: 1) характеръ дѣйствующаго лица, или 2) свойство его побужденія, или 3) качества его поступковъ, или же 4) ихъ послѣдствія“. Въ результатѣ у него получается, что каждый

¹⁾ Тамъ-же, §§ 9 и 10, стр. 17—19, „Хорошее и дурное... могутъ существовать только въ отношеніи къ дѣйствіямъ существъ способныхъ къ удовольствіямъ и страданіямъ: ибо анализируя эти понятія, мы всегда приходимъ въ концѣ концовъ къ удовольствіямъ и страданіямъ, какъ къ тѣмъ элементамъ, изъ которыхъ они состоятъ“. Тамъ же, гл. XV, § 99, стр. 176.

изъ нравственныхъ критеріевъ, которыми руководятся эти этическія системы, и вообще „всякій другой критерій поведенія изъ числа тѣхъ, какіе когда либо предлагались, почерпаетъ въ концѣ концовъ свой авторитетъ изъ этого послѣдняго критерія“, устанавливаемаго Спенсеромъ въ чувствѣ пріятнаго. „На что бы ни указывали намъ, какъ на настоящую цѣль человѣческихъ стремленій,—заключается ли эта цѣль въ совершенствѣ природы самого человѣка, или въ добродѣтели поступка, или въ праведности побужденія,—мы видимъ одинаково во всѣхъ этихъ случаяхъ, что самое опредѣленіе словъ совершенство, добродѣтель, праведность неизбежно приводитъ насъ, какъ къ основной идеѣ всѣхъ этихъ понятій, къ представленію о счастьи, испытываемомъ въ какой бы то ни было формѣ, въ какое бы то ни было время и какою бы то ни было личностію“. Такимъ образомъ, по мнѣнію Спенсера, „нельзя избѣжать того, чтобы не признать конечною нравственною цѣлью извѣстное желательное состояніе чувствованія, какимъ бы именемъ оно ни называлось,—удовольствіемъ ли, наслажденіемъ, или счастьемъ“¹⁾.

Всѣ обычныя этическія системы—теологическая, политическая, интуитивная и эмпирико-утилитарная, по мнѣнію Спенсера, страдаютъ однимъ общимъ недостаткомъ—полнымъ отсутствіемъ или недостаточнымъ присутствіемъ въ нихъ идеи причинности, „пренебреженіемъ къ конечнымъ причиннымъ связямъ“, а при такомъ недостаткѣ всѣ онѣ не имѣютъ научной цѣнности. Между тѣмъ этику Спенсеръ хотѣлъ бы построить на строго научныхъ основахъ и для этого данныя для нея взять въ тѣхъ болѣе простыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ уже прошедшихъ необходимый путь развитія наукахъ, съ которыми она близко соприкасается различными своими сторонами, именно—въ физикѣ, біологіи,

¹⁾ Тамъ же, § 16, стр. 29 и 30.

психологiи и соціологiи¹⁾). Итакъ, Спенсеръ прилагаетъ по-очередно физическую, біологическую, психологическую и соціологическую точки зрѣнія къ этикѣ, причемъ еще больше убѣждается въ истинности своего основного положенія—о чувствіи пріятнаго или удовольствія, какъ послѣднемъ критеріи поведенія и этики.

Такъ, данныя біологiи показываютъ, что во всемъ животномъ мірѣ пріятное всегда совпадаетъ съ полезнымъ для жизни. „Страданія необходимымъ образомъ соотносительны вреднымъ для организма дѣйствіямъ, а удовольствія столь же необходимо соотносительны дѣйствіямъ, ведущимъ къ его благополучію“,—эту истину, указанную имъ и въ „Основаніяхъ психологiи“, Спенсеръ детально разсматриваетъ и подтверждаетъ біологическими данными. Для него становится несомнѣннымъ фактъ „существованія первичной связи между пріятными (приносящими удовольствіе) дѣйствіями и продолженіемъ жизни и между непріятными (приносящими страданіе) дѣйствіями и уменьшеніемъ или потерей жизни.“ Таковъ уже законъ природы²⁾. Эта „связь между удовольствіемъ и благотѣльнымъ дѣйствіемъ, съ одной стороны, и между страданіемъ и пагубнымъ дѣйствіемъ, съ другой, возникшая вмѣстѣ съ появленіемъ одаренныхъ чувствительностью существъ и продолжавшаяся непрерывно у всѣхъ одушевленныхъ существъ до человѣка, проявляется обыкновенно и у него, во всей низшей и болѣе совершенно организованной части его натуры, и эта связь должна обнаруживаться все съ большею и большею полнотою и въ бо-

¹⁾ Тамъ же, гл. IV.

²⁾ Развитіе жизни и возможно только благодаря этой связѣ: „ибо существованіе чувствующихъ тварей можетъ развиваться только при томъ условіи, чтобы дѣйствія, доставляющія удовольствія, были въ тоже время и дѣйствіями, служащими къ сохраненію жизни“. Тамъ же гл. VI, § 33, стр. 55.

лье высокой части его натуры, по мѣрѣ все большаго и большаго возрастанія его приспособленности къ условіямъ общественной жизни.“ Въ частности, однимъ изъ показателей этого можетъ служить та связь, которую мы наблюдаемъ „между удовольствіемъ вообще и физическимъ возбужденіемъ, равно какъ и между страданіемъ вообще и физическою угнетенностью. Каждое удовольствіе увеличиваетъ жизнѣдѣтельность; каждое страданіе уменьшаетъ ее. Каждое удовольствіе повышаетъ приливъ жизни; каждое страданіе понижаетъ его“ ¹⁾.

Разсматривая тотъ же этический вопросъ съ психологической стороны, Спенсеръ и здѣсь находитъ лишь подтвержденіе своего вышеуказаннаго рѣшенія его. Въ част-

¹⁾ Тамъ же, гл. VI, §§ 33—36, стр. 52, 54, 57 и 58. Тѣ случаи, когда удовольствія не совпадаютъ съ пользою для чело-
вѣка и страданія со вредомъ, Спенсеръ объясняетъ тѣмъ раз-
стрѣльствомъ въ руководствѣ ощущеніями и эмоціями, которое
явилось у чело-вѣка въ-дѣствіе большой и сложной перемѣны,
какой подверглись въ теченіе времени условія его существованія.
Руководясь такими невѣрными показателями и создаются, по мнѣ-
нію Спенсера, многія этическія теоріи, совершенно ложно, из-
вращенно трактующія этотъ вопросъ. Онѣ соотвѣтствуютъ „тѣмъ
формамъ общественной жизни, которыя созданы не вполне еще
приспособившимися къ новымъ условіямъ людскими натурами.“
Между тѣмъ „съ прогрессомъ приспособленія, приводящимъ люд-
скія способности и требованія жизни во взаимную гармонію, та-
кія несоотвѣствія между чувствомъ и пользою въ нашемъ жизнен-
номъ опытѣ, а слѣдовательно и основанныя на нихъ извращенія
теоріи должны уменьшаться, пока наконецъ, вмѣстѣ съ полнымъ
приспособленіемъ чело-вѣчества къ общественному состоянію, не
явится и признаніе тѣхъ истинъ, что наши дѣйствія могутъ счи-
таться вполне хорошими только тогда, когда, ведя къ будущему
счастью, личному и общему, они въ то же время и непосред-
ственно пріятны, и что мучительность не только отдаленная, но
и непосредственная, есть всегда спутникъ такихъ дѣйствій, ко-
торыя должны считаться дурными.“ Тамъ же, § 39, стр. 66.

Труды Киевск. Дух. Акад. Т. III. 1909 г.

19

ности, анализируя самое происхождение того, что считается особою нравственною областью въ человѣческой душѣ,— „нравственнаго сознанія или совѣсти“, нравственнаго долга, принудительной авторитетности „непосредственнаго нравственнаго усмотрѣнія,“ философъ и здѣсь твердо держится своей эволюціонной теоріи: все это развивалось постепенно, въ теченіе очень долгаго времени, путемъ накопленія опытовъ, показывавшихъ, что въ поведеніи человѣка полезно и что вредно для его благополучія, какъ индивидуума и какъ члена рода ¹⁾. Въ связи съ этимъ естественно вырабатывались нравственныя одобренія и стравненія, при чемъ принудительный элементъ постепенно вошелъ въ нихъ, по ассоціаціи, изъ того чувства обязательности, которое порождали политическія, религіозныя и общественныя наказанія, присоединившіяся, съ развитіемъ соціальной жизни, къ простымъ сдерживающимъ побужденіямъ естественнаго характера. Но это нравственное самопринужденіе, по мнѣнію Спенсера, также имѣетъ временный, переходный характеръ: на самой высокой ступени прогресса и оно должно „практически исчезнуть изъ этой области.“ Для нея совершенно достаточно будетъ, въ качествѣ надежнаго руководителя, правильно функционирующихъ естественныхъ чувствъ удовольствія и страданія. „Удовольствія и страданія, порождаемые нравственными чувствами, станутъ, подобно тѣлеснымъ удовольствіямъ и страданіямъ, побудителями и сдерживате-

¹⁾ „Опыты касательно полезности, организуясь и спланиваясь между собою у всѣхъ прошлыхъ поколѣній человѣческой расы, производили въ людяхъ соотвѣтственныя нервные видоизмѣненія, которыя, путемъ постоянной передачи по наслѣдству и накопленія, стали въ насъ извѣстными способностями нравственной интуиціи,—т. е. извѣстными чувствами касательно хорошаго и дурного поведенія, не имѣющими, повидимому, никакого замѣтнаго основанія въ индивидуальныхъ опытахъ на счетъ ихъ полезности.“ Тамъ же, гл. VII, § 45, стр. 83.

лями, столь хорошо приспособленными по своей силѣ къ требованіямъ жизни, что нравственное поведеніе станетъ просто естественнымъ поведеніемъ“ ¹⁾ Наконецъ, соціологическая точка зрѣнія, по мнѣнію Спенсера, должна только еще болѣе дополнить и уяснить тотъ же тезисъ его ²⁾.

Итакъ, хорошее поведеніе въ этическомъ смыслѣ то, которое наилучше приспособлено къ достиженію конечной цѣли всѣхъ человѣческихъ стремленій—счастія. Въ послѣднемъ, по мнѣнію Спенсера, должны сойтись всѣ системы этики: „что счастье есть верховная цѣль нашихъ стремлений—можетъ считаться истинною, не подлежащею никакому сомнѣнію, ибо счастье есть спутникъ той наивысшей жизни, которая смутно или отчетливо имѣется въ виду каждою теоріею нравственнаго руководства“ ³⁾ Но какое счастье — личное или другихъ людей? Эгоистической или альтруистической точки зрѣнія нужно отдать предпочтеніе? На этотъ естественно возникающій здѣсь вопросъ Спенсеръ такъ отвѣчаетъ.

„Всякое существо должно жить, прежде чѣмъ дѣйствовать. А отсюда слѣдуетъ тотъ выводъ, что тѣ дѣйствія, посредствомъ которыхъ каждый поддерживаетъ свою собственную жизнь, должны стоять, по степени своей повелительности, впереди всѣхъ другихъ дѣйствій, къ которымъ онъ способенъ.“ Поэтому „этика должна признать ту истину, что эгоизмъ долженъ идти впереди альтруизма“ ⁴⁾. Это необходимое условіе достиженія не личнаго только, но и общаго счастья. „Преслѣдованіе индивидуальнаго счастья... есть первое требованіе для достиженія величайшаго общаго счастья“ ⁵⁾, чему Спенсеръ представляетъ нѣсколько дока-

¹⁾ Тамъ же, гл. VII.

²⁾ Тамъ же, гл. VIII.

³⁾ Тамъ же, гл. IX, § 62, стр. 117.

⁴⁾ Тамъ же, гл. XI, § 68, стр. 127.

⁵⁾ Тамъ же, § 69, стр. 129.

загальствъ и, какъ выводъ изъ нихъ, повторяетъ: „эгоизмъ предшествуетъ альтруизму въ порядкѣ обязательности, или повелительности“¹⁾. Но, рядомъ съ этимъ „раціональнымъ эгоизмомъ,“ „съ самаго разсвѣта жизни не менѣе существенную роль игралъ и альтруизмъ,“ понимаемый въ широкомъ смыслѣ слова и именно, включая въ область альтруизма „всѣ тѣ дѣйствія, посредствомъ которыхъ сохраняется жизнь потомства и поддерживается существованіе вида“²⁾. „Самопожертвованіе не менѣе первобытно, какъ и самосохраненіе.“ Начинаясь на самыхъ низшихъ ступеняхъ жизни въ самой простой, чисто физической формѣ, альтруизмъ постепенно развивался одновременно съ эгоизмомъ; бессознательный родительскій альтруизмъ постепенно сталъ сознательнымъ, въ самыхъ высшихъ его формахъ, а изъ этого высокаго семейнаго альтруизма постепенно развился общественный. Отъди за взаимными отношеніями между эгоизмомъ и альтруизмомъ съ различныхъ сторонъ, Спенсеръ приходитъ къ такому выводу: „начиная съ самой зары жизни, эгоизмъ находился постоянно въ зависимости отъ альтруизма, какъ и альтруизмъ находился въ зависимости отъ эгоизма, и съ теченіемъ времени ихъ взаимныя услуги все увеличивались и увеличивались.“ Отсюда—„ни чистый эгоизмъ ни чистый альтруизмъ не могутъ считаться законными... Единственный возможный здѣсь исходъ заключается въ нѣкоторомъ компромиссѣ“ между ними³⁾, именно: „мы должны прійти къ тому заключенію, что общее счастье можетъ быть достигнуто главнымъ образомъ посредствомъ надлежащаго преслѣдованія каждымъ индивидуумомъ своего собственнаго счастья и, наоборотъ, счастье каждаго индивидуума можетъ быть достигнуто отчасти путемъ пре-

¹⁾ Тамъ же, § 74, стр. 134.

²⁾ Тамъ же, гл. XII, § 75, стр. 136.

³⁾ Тамъ же, § 81, стр. 146.

слѣдованія имъ общаго счастья“¹⁾. Мало того, самая противоположность между эгоизмомъ и альтруизмомъ, которая представляется намъ столь непримиримою, по мнѣнію Спенсера, „современемъ совершенно исчезнетъ.“ Наступитъ царство полнаго примиренія этихъ двухъ началъ: „индивидууму не придется колебаться между импульсами, побуждающими его къ собственному благу, и импульсами, побуждающими его къ благу другихъ: на мѣсто этого явится охотное и безусловное предпочтеніе этихъ послѣднихъ,“—въ силу соотвѣтствующаго высокаго развитія нравственнаго характера личности, а также и влѣдствіе того высокаго строя соціальной жизни, когда личность уже не будетъ нуждаться въ охраненіи своихъ эгоистическихъ правъ. Такимъ образомъ „то, что характеризуетъ теперь лишь исключительно высокія личности, сдѣлается подъ конецъ свойственнымъ всѣмъ и каждому; ибо то, къ чему можетъ быть способна наилучшая человѣческая натура, находится въ предѣлахъ достиженія для человѣческой природы вообще“²⁾.

Этихъ немногихъ главнѣйшихъ положеній принципіальной части этики Спенсера совершенно достаточно для нашей цѣли. Итакъ, какъ видимъ, мораль англійскаго философа—мораль утилитарная³⁾: хорошо въ нравственномъ

¹⁾ Тамъ же, гл. XIII, § 91, стр. 162.

²⁾ Тамъ же, гл. XIV, § 97, стр. 174—175.

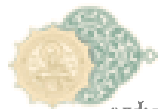
³⁾ Правда, Спенсеръ различаетъ въ этикѣ утилитаризмъ эмпирическій и раціональный. Первый въ оцѣнкѣ полезности поведенія основывается исключительно на наблюденіи результатовъ его, не предполагая никакой возможности даже и въ будущемъ „узнать, путемъ дедуктивнаго вывода изъ основныхъ принциповъ, —какое поведеніе должно быть вреднымъ и какое должно быть полезнымъ.“ Утилитаризмъ же раціональный именно и ставитъ для этики задачу—„вывести изъ законовъ жизни и изъ условій существованія, какіе роды поведенія необходимо стремятся къ произведенію счастья и какіе столь же необходимо стремятся

смыслъ то, что полезно, что наиболѣе способствуетъ сохраненію и продолженію жизни индивидуума и цѣлаго рода. Критеріемъ же для распознаванія цѣнности человѣческаго поведенія въ этомъ отношеніи должны служить порождаемыя имъ чувства удовольствія или страданія, этотъ вѣрный, по мнѣнію Спенсера, показатель пользы или вреда нашихъ поступковъ для жизни. Онъ лежитъ поэтому, то болѣе то менѣе сознаваемый, въ основѣ всѣхъ этическихъ системъ. Возвращаясь теперь къ педагогикѣ Спенсера, мы ясно видимъ всю послѣдовательность философа при рѣшеніи имъ вопроса о конечной цѣли воспитанія, при опредѣленіи той „полной“ жизни, къ которой долженъ быть подготовленъ питомецъ. Иного педагогическаго идеала Спенсеръ и не могъ представить, оставаясь вѣрнымъ своей этикѣ: и здѣсь въ основѣ положенъ тотъ же принципъ пользы, и здѣсь „эгоизмъ впереди альтруизма.“ Но ясно, далѣе, и то, что идеаль этотъ долженъ имѣть такую же цѣну, какъ и лежащая въ основѣ его „данная“ Спенсеровой этики. Не входя въ детальный разборъ ея ¹⁾, все же считаемъ необходимымъ

породить несчастіе. Когда это будетъ сдѣлано, то ея выводы должны будутъ получить значеніе законовъ поведенія, послѣ чего каждый долженъ будетъ сообразоваться съ этими признанными законами, не пускаясь въ прямую оцѣнку имѣющаго произойти въ каждомъ случаѣ счастья или бѣдствія.“ Тамъ же, гл. IV, § 21, стр. 37—38. Именно такъ, на этомъ принципѣ рациональнаго, а не эмпирическаго утилитаризма, и строить свою этику Спенсеръ. Но, какъ нетрудно видѣть, различіе здѣсь лишь методологическаго характера, а не принципиальнаго: принципъ въ томъ и другомъ направленіи одинъ—польза. Поэтому и этика Спенсера представляетъ не иное что, какъ этику утилитаризма, хотя бы и рациональнаго.

¹⁾ Утилитарная система этики подвергалась не разъ обстоятельному критическому анализу и въ русской литературѣ. См., напр., А. Мальцева „Нравственная философія утилитаризма,“ (СПб. 1879; проф. И. Попова „Естественный нравственный за-

сдѣлать нѣсколько конспективныхъ замѣчаній въ отвѣтъ на главнѣйшіе этическіе тезисы Спенсера, какъ изложены они были выше.

Прежде всего, не можетъ быть принятъ самый способъ опредѣленія и оцѣнки нравственнаго поведенія по степени приспособленія его къ цѣли. Такая внѣшняя точка зрѣнія, не признающая должнаго значенія за внутреннею стороною поведенія, заключающеюся въ самыхъ мотивахъ его, очевидно, слишкомъ поверхностна, не проникаетъ въ глубь вопроса и потому не представляетъ данныхъ для надлежащаго рѣшенія его. Взятое само по себѣ, полное, наилучшее приспособленіе къ цѣли можетъ быть присуще какимъ угодно человѣческимъ поступкамъ, независимо отъ нравственнаго или безнравственнаго характера ихъ. Слѣдовательно, центръ опредѣленія Спенсеромъ нравственности не въ приспособленіи поведенія къ цѣли, а въ самой цѣли его. Между тѣмъ эта цѣль, устанавливаемая имъ какъ сохраненіе жизни личной и родовой, допускаетъ полный просторъ субъективному толкованію средствъ и способовъ, ведущихъ къ ней, причемъ толкованіе это легко можетъ принять характеръ и безнравственный. Впрочемъ, даже помимо этого, и сама по себѣ, разсматриваемая по существу, такая цѣль не заключаетъ въ себѣ истиннаго критерія нравственности, такъ какъ нравственно высокое отождествляется здѣсь съ практически полезнымъ, а идя этимъ путемъ, легко можно прійти къ положеніямъ, съ этической точки зрѣнія и абсурднымъ. Такъ, все тѣ проявленія высокаго нравственнаго идеализма, сознательнаго и свободнаго самоотверженія, которыя стоятъ челоуѣку жизни, съ этой точки зрѣнія пришлось бы при-

конъ“, Сергіювъ Посадъ, 1897; М. Гюйо „Исторія и критика современныхъ англійскихъ ученій о нравственности. Перев. Юлина.“ СПб. 1898; Софьи Соколовой „Критика этики Спенсера,“ СПб. 1905.

знать безнравственными. Вообще же, о какой разумной и свободной личной цѣли человѣческаго поведенія можетъ быть рѣчь при послѣдовательномъ проведеніи эволюціоннаго принципа? Если все въ мірѣ подчиняется одному не измѣнному закону развитія, дѣйствующему во всѣхъ сферахъ жизни съ одинаковою неуклонною необходимостью, то конечно и человѣку не остается ничего иного, какъ подчиниться тому же закону, подчиниться сознательно, т. е. направивъ свои усилія не къ тому, чтобы господствовать надъ окружающею его средою, а лишь къ наилучшему приспособленію къ ней. Въ этомъ приспособленіи къ средѣ вся задача его существованія; для личныхъ же разумныхъ свободныхъ цѣлей человѣческой дѣятельности не можетъ быть мѣста въ этомъ мірѣ механической необходимости.

Иди за Спенсеромъ дальше, мы отнюдь не можемъ признать вмѣстѣ съ нимъ, что „хорошее (въ нравственномъ отношеніи) есть ничто иное, какъ пріятное,“ т. е. опереться, какъ на послѣдній критерій нравственности, на чувство удовольствія и отстаивать гедонистическій принципъ для этики. Это значило бы взять въ руководство критерій чисто субъективнаго характера, не имѣющій не только устойчивости, но даже и опредѣленнаго содержанія, ибо что такое удовольствіе, разсматриваемое съ объективной точки зрѣнія, внѣ безчисленныхъ, самыхъ разнообразныхъ условій чисто индивидуальнаго характера? Помимо этого, имѣемъ ли мы право отождествлять нравственное съ пріятнымъ, когда понятія эти далеко не совпадаютъ ни по содержанію, ни по объему: какъ есть безчисленное множество удовольствій безнравственныхъ, которыхъ никакъ не можетъ оправдать наше нравственное сознаніе, такъ, съ другой стороны, человѣкъ можетъ переживать величайшія страданія, побуждаемый къ тому высокими нравственными началами, движимый чувствомъ долга, любви и пр. Поэтому искать вмѣстѣ со Спенсеромъ послѣдняго основанія и авторитета для всѣхъ

критеріевъ нравственности, „какіе когда либо предлагались различными системами этики,“ въ одномъ, будто бы все объясняющемъ,—въ чувствѣ удовольствія болѣе чѣмъ рискованно. Сдѣланныя Спенсеромъ разьясненія съ этою цѣлью не убѣдительны. Что касается его біологическаго оправданія этого принципа, то и съ таковымъ нельзя согласиться.

Можно ли признать, что всѣ удовольствія полезны для жизни и всѣ страданія вредны, что первыя всегда способствуютъ продолженію ея, а вторыя или уменьшаютъ, или даже прекращаютъ ее? Противъ этого говорятъ безчисленные факты въ повседневной окружающей насъ жизни, гдѣ такъ широко практикуются удовольствія именно вредныя для человѣка, подтачивающія и сокращающія его жизнь, между тѣмъ многое изъ того, что доставляетъ человѣку непріятныя ощущенія, вызываетъ неудовольствіе и даже продолжительныя страданія, въ результатѣ оказывается благодѣтельнымъ для него (напр., лекарства для больного, трудъ для лѣнтя и т. п.). Помимо этого, нельзя не признать, что страданія, въ силу самыхъ условій жизни человека необходимы для него, представляютъ весьма важный факторъ для нравственнаго развитія его, закаляя характеръ и укрѣпляя силу воли. Они же даютъ намъ наиболѣе поучительные уроки жизни, приводящіе къ правильному пониманію ея. Итакъ, вредны или же, наоборотъ, полезны этими сторонами своими страданія для жизни человека? Если бы мы даже согласились со Спенсеромъ въ томъ, что удовольствія увеличиваютъ жизнеспособность, а страданія уменьшаютъ ее, что „каждое удовольствіе повышаетъ приливъ жизни, а каждое страданіе понижаетъ его“ (что также не вѣрно), то все же еще нужно было бы установить, насколько такіе временные подъемы жизненной энергіи полезны въ общей экономіи жизненныхъ силъ человѣка: точки ли, приливы съ неизбежно слѣдующими за ними отливами или,

наоборотъ, спокойное, ровное теченіе жизни болѣе полезны для нея.

Переходя вмѣстѣ со Спенсеромъ на его психологическую точку зрѣнія, и здѣсь нельзя согласиться съ философомъ и прежде всего—съ его теоріей происхожденія нравственности. Теорія эта высокія нравственныя нормы считаетъ простымъ результатомъ опытовъ полезности, продѣланныхъ многочисленными человѣческими поколѣніями и запечатлѣвшихся, путемъ наслѣдственности, въ нашей нервной системѣ и въ мозгу въ формѣ инстинктовъ. Но для оправданія такой теоріи, во-первыхъ, нѣтъ достаточныхъ данныхъ; съ другой стороны, она стоитъ въ противорѣчіи со многими общеизвѣстными фактами. Такъ, допустить образованіе въ человѣкѣ путемъ, указаннымъ у Спенсера, нравственныхъ инстинктовъ не дозволяютъ чрезвычайная сложность, безконечное разнообразіе и высота жизни человека, сравнительно съ жизнью животнаго. Для того закрѣпленія въ нервной системѣ слѣдовъ извѣстныхъ дѣйствій, которое требуется для образованія нравственныхъ инстинктовъ, у человѣка нѣтъ необходимыхъ условій, какія присущи животнымъ, именно—простоты и однообразія жизни. При этомъ, далѣе, эволюціонная теорія нравственности совершенно упускаетъ изъ виду такіе съ ея точки зрѣнія необъяснимые и даже недопустимые факты, какъ быстрые нравственные перевороты—въ хорошую или дурную сторону, или же хотя бы и постепенныя, но радикальныя измѣненія нравственныхъ понятій, происходяція въ жизни отдѣльных лицъ или же одного поколѣнія; между тѣмъ такіе факты (между прочимъ, напр., благотворные результаты христіанской миссіи среди дикарей) совершаются весьма часто. Съ эволюціонной точки зрѣнія, проведенной послѣдовательно, необъяснимы были бы, далѣе, и такіе факты, какъ возможность подчиненія самыхъ сильныхъ инстинктовъ въ человѣкѣ требованіямъ его нравственности. Если послѣднія пред-

ставляютъ также лишь инстинкты, образовавшіеся одинаковымъ путемъ съ физическими инстинктами. то, какъ возникшіе сравнительно поздно, они, въ силу законовъ развитія, должны бы быть наиболѣе слабыми въ человѣческой организаціи. Откуда же такая сила и властность ихъ, дающая имъ перевѣсъ надъ самыми, казалось бы, сильными инстинктами, когда, напр., человѣкъ, при высокомъ подъемѣ нравственнаго чувства, способенъ побѣждать въ себѣ страшныя мученія голода, всевозможныя влеченія страстей и самый страхъ смерти? Противъ эволюціонной теоріи говорить также и самый характеръ нравственности, всегда идеальной въ своихъ требованіяхъ, всегда идущей впереди дѣйствительности, а не слѣдующей за нею; между тѣмъ послѣднее было бы неказѣнно, если бы предписанія нравственныя подчинялись въ своемъ происхожденіи и развитіи законамъ образованія обыкновенныхъ инстинктовъ¹⁾. Такимъ образомъ, принять эволюціонную теорію происхожденія нравственности, какъ представлена она у Спенсера, нельзя.

Но можетъ быть, нравственное состояніе, переживаемое человѣчествомъ теперь, какъ и всѣ другія стадіи его, пережитыя за все время существованія человѣка, имѣетъ лишь временный, переходный характеръ? Процессъ эволюціи еще не закончился, и потому, можетъ быть, для всесторонней правильной оцѣнки эволюціонной теоріи нравственности еще нѣтъ всѣхъ данныхъ; наступить же время, когда процессъ приспособленія человѣческаго существа ко всѣмъ условіямъ жизни достигнетъ своего полного завершенія. Тогда тѣ, съ точки зрѣнія эволюціонной теоріи нравственности, несообразности, какія мы наблюдаемъ сейчасъ, не будутъ имѣть мѣста. Между чувствами человѣка, пріятными или непріятными, и пользою или вредомъ человѣческихъ дѣйствій уже

¹⁾ См. подробнѣе въ изслѣдованіи проф. И. Попова: „Естественный нравств. законъ“, стр. 133—145.

никогда не будетъ разногласія; напротивъ, между ними установится полная и непоколебимая гармонія, и тогда— „нравственное поведеніе станетъ просто естественнымъ поведеніемъ“. Поступать безнравственно тогда для человѣка будетъ столь же трудно, какъ теперь противиться сильнѣйшимъ физическимъ инстинктамъ. Однако противъ этого нужно сказать, что утверждать несомнѣнность такого „золотого вѣка“ въ будущемъ столь же рискованно, какъ и завидовать такому счастью, ожидающему, по Спенсеру, нашихъ отдаленныхъ потомковъ.

Гдѣ необходимы для этого доказательства? Что ручается за такой именно исходъ эволюціоннаго процесса? Прошедшее еще не можетъ быть показателемъ будущаго, почему изъ бытія еще нельзя логически вывести должествованія; между тѣмъ эволюціонный принципъ философіи этимъ именно и погрѣшаетъ. Что ручается за неизмѣнность и нерушимость всѣхъ тѣхъ законовъ, причинъ и условій, отъ которыхъ зависитъ весь процессъ жизни на землѣ въ настоящее время? Малѣйшее отклоненіе въ движеніи какой нибудь планеты солнечной системы, или вообще какое нибудь измѣненіе космическаго характера, стоящее въ связи съ жизнью нашей планеты, можетъ повлечь за собою если не роковыя, то чрезвычайно важныя послѣдствія для насъ, внести въ человѣческую жизнь на землѣ совершенно новыя начала и законы. Но допустимъ, что этого не случится, и жизнь человѣчества будетъ неизмѣнно продолжать свой процессъ развитія. Можно ли и при такихъ условіяхъ ручаться за тѣ результаты его, о которыхъ говоритъ Спенсеръ? Для этого и въ прошедшемъ человѣческой жизни, поскольку доступно оно нашему наблюденію и пониманію, также нѣтъ достаточныхъ основаній. Такъ, можно ли доказать, что чувства удовольствія и страданія, какъ руководители *человѣческаго поведенія*, до сихъ поръ строго подчинялись закону эволюціи, т. е. въ

своихъ указаніяхъ теперь стали гораздо болѣе надежными руководителями, чѣмъ прежде, въ вѣка давно минувшіе? Для того, чтобы утверждать это, необходимо закрыть глаза на всѣ тѣ извращенія, какія внесла съ собой извѣстная сторона культуры, это дѣтище той же эволюціи, во всѣ области человѣческой жизни. На какомъ же основаніи нужно думать, что дальше будетъ иначе, приспособленіе человѣка пойдетъ путемъ непремѣнно благотворнымъ для него и приведетъ къ тому золотому вѣку, о которомъ пророчить Спенсеръ? Но если бы даже и такъ, то и въ такомъ случаѣ еще нужно поставить вопросъ: какую цѣну въ нравственномъ отношеніи должно имѣть такое состояніе человѣка, всецѣло подчиненнаго механизму сильныхъ инстинктовъ, нравственному автоматизму, а не своей разумной и свободной волѣ? Не значило ли бы это для человѣка, вмѣсто желательнаго подъема вверхъ, къ царству разума и свободы, спуститься внизъ, къ состоянію животнаго?

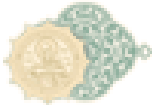
Наконецъ, какъ понимать то отношеніе между эгоистическимъ и альтруистическимъ началами поведенія, о которомъ говоритъ Спенсеръ? Наилучшее поведеніе по его опредѣленію то, которое наилучше приспособлено къ достиженію всѣхъ трехъ видовъ сохраненія жизни—и личной, и семейной (родовой), и общественной. Слѣдуя этому, философъ стремится примирить то, что считается противоположнымъ, установить тѣсную связь между эгоизмомъ и альтруизмомъ и, признавъ двухсторонность въ этомъ отношеніи нашихъ поступковъ, приходитъ къ тому заключенію, что различіе между этими двумя началами имѣетъ временный характеръ. Въ отдаленномъ будущемъ, когда процессъ эволюціи закончится, и приспособленіе человѣческой организаціи ко всѣмъ жизненнымъ условіямъ достигнетъ своего совершенства, та противоположность между эгоизмомъ и альтруизмомъ, какую мы наблюдаемъ теперь, исчезнетъ: эгоизмъ, такъ сказать, растаетъ въ альтруизмѣ. Итакъ, въ общемъ, это путь

отъ эгоизма къ альтруизму. Но можно-ли, спрашивается, вывести альтруизмъ изъ эгоизма? Всѣ тѣ доводы, какіе приводитъ Спенсеръ „въ защиту альтруизма противъ эгоизма,“ въ доказательство зависимости личнаго благополучія „отъ должнаго уваженія къ благополучію другихъ,“ ¹⁾ далеко не убѣдительны. Идя такимъ путемъ, т. е. анализируя различныя условія и обстоятельства, ставящія личное благополучіе въ зависимость отъ благополучія другихъ людей, конечно, можно логически прійти отъ эгоизма къ альтруизму, но лишь въ теоріи, а отнюдь не въ жизненной дѣйствительности. Что „личное счастье каждаго индивидуума можетъ быть достигнуто отчасти путемъ преслѣдованія имъ общаго счастья“, это можетъ быть вполне доступно сознанію индивидуума; однако такое сознаніе еще слишкомъ слабый импульсъ для соответствующаго альтруистическаго поведенія этого индивидуума, такъ какъ изъ одного этого сознанія далеко еще не вытекаетъ необходимость такого поведенія. Напротивъ, разъ на первомъ мѣстѣ ставится мое личное благополучіе, то какое мнѣ дѣло до общественнаго блага, до общаго счастья? Развѣ одно съ другимъ вполне совпадаетъ? Нерѣдко одно другимъ совершенно исключается. И вотъ поэтому то, что „отчасти“ способствуетъ моему личному благополучію, я легко могу отставить въ сторону и выдвинуть на первый планъ то, что по моему мнѣнію ведетъ къ этой цѣли прямо, непосредственно. Такъ долженъ всецѣло царить (и дѣйствительно царить) эгоизмъ тамъ, гдѣ человѣкъ руководится этическимъ принципомъ Спенсера. И иначе не можетъ быть: вывести изъ эгоизма альтруизмъ нельзя ²⁾.

Конечно, было бы весьма пріятно утѣшаться вмѣстѣ со Спенсеромъ надеждою на лучшее будущее, на тѣ

¹⁾ Данныя этики, гл. XII.

²⁾ См. еще у проф. Н. Попова, цит. соч., стр. 59—67, 92 и д.

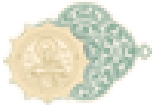

идеальныя времена, когда въ человѣческой жизни водворится полная гармонія между этими принципами поведенія, когда столь свойственныя человѣку теперь колебанія между различными импульсами дѣятельности — эгоистическими и альтруистическими исчезнутъ, и человѣкъ „охотно и безусловно“ всякій разъ будетъ предпочитать послѣдніе. Но, къ сожалѣнію, для осуществленія такихъ мечтаній, какъ уже сказано, мы не видимъ ровно никакихъ данныхъ. Заявленіе Спенсера: „къ чему можетъ быть способна наилучшая человѣческая натура, то находится въ предѣлахъ достиженій для человѣческой натуры вообще“ — насколько звучитъ гордо, настолько же и необѣдительно, ибо ни въ организаціи человѣческой природы, ни въ обычныхъ условіяхъ земного существованія ея, ни въ самомъ законѣ эволюціи нѣтъ данныхъ, которыя ручались бы за такой подъемъ „человѣческой натуры вообще“ до состоянія, свойственнаго лишь „лучшей человѣческой натурѣ“. Итакъ, Спенсеру чтобы быть послѣдовательнымъ, необходимо держаться въ вопросѣ объ отношеніи эгоизма къ альтруизму не примирительной точки зрѣнія, неоправдываемой ничѣмъ и недопустимой, а начала эгоизма, какъ „предшествующаго альтруизму въ порядкѣ обязательности или повелительности“ и главенствующаго въ человѣческомъ поведеніи вообще. Впрочемъ, такъ Спенсеръ и дѣлаетъ вездѣ, гдѣ ему приходится такъ или иначе считаться съ этимъ принципомъ при рѣшеніи вопросовъ практическаго характера. Однимъ изъ наглядныхъ примѣровъ можетъ служить и рѣшеніе имъ вопроса о конечной цѣли воспитанія.

И здѣсь то-же царство утилитаризма и эгоизма. Въ своемъ идеалѣ „полной“ жизни дальше узко-практическихъ интересовъ человѣка, личныхъ и соціальныхъ, т. е. въ порядкѣ эго-альтруистическомъ, Спенсеръ не идетъ. И здѣсь сохраненіе жизни индивидуума и вида, содѣйствіе благопо-

лучію личному, затѣмъ семейному и наконецъ общественному—вотъ все, что требуется отъ человѣка, къ чему, слѣдовательно, должно по возможности подготовить его и воспитаніе. Эстетическій элементъ, прибавленный сюда какъ бы между прочимъ, также подчиняется тому-же утилитарному принципу, иначе онъ не былъ бы поставленъ въ самомъ концѣ этой программы, измѣряемый въ своемъ значеніи лишь количествомъ остающагося у человѣка свободнаго времени. Все въ человѣческой жизни, по философіи Спенсера, должно оцѣниваться съ точки зрѣнія пользы; къ ней поэтому все должно и направляться. А нравственная сторона этой жизни—нравственная высота человѣческой личности и социальныя формы человѣческой жизни? Она дана уже—въ томъ же принципѣ пользы, такъ какъ на немъ всецѣло, какъ мы видѣли, должна опираться и человѣческая нравственность по Спенсеру. Высоко нравственный человѣкъ по этой системѣ морали это человѣкъ наиболѣе полезный себѣ и другимъ. Особой же нравственной области, самозаконной и самодовлѣющей и по своей природѣ апріорной, Спенсеръ не признаетъ. Въ этомъ коренная характерная черта его этики, а отсюда и его педагогикъ. Но вѣдь эта эволюціонная механическая точка зрѣнія на человѣка и его назначеніе, будучи повѣрною по существу, слишкомъ тяжела и обидна для человѣка, превращая его изъ разумнаго и свободного существа въ слѣплого автомата природы и тѣмъ оскорбляя его въ самыхъ высокихъ его чувствахъ. Весь внутренній лучшій міръ нашей души громко протестуетъ противъ этого, потому что въ глубокихъ тайникахъ нашего духа неизгладимо впечатлѣно сознаніе наивысшей цѣнности въ нашемъ существѣ нравственной стороны его, а потому и иного назначенія человѣка, не укладывающагося въ узкія рамки практическаго идеала Спенсера.

Не вдаваясь въ анализъ вопроса о самой природѣ нравственности, нельзя не отмѣтить, во-первыхъ, какъ су-

шественнѣйшую черту ея, совершенно безкорыстный характеръ ея постулатовъ. Ни пользы, ближайшей—личной или отдаленной—общей, ни удовольствія личнаго, ни счастія общаго нельзя съ достаточнымъ основаніемъ предполагать какъ необходимую основу того, что принято называть нравственностью. Это область самоцѣннаго, имѣющаго значеніе въ самомъ себѣ, а не въ зависимости отъ чего нибудь другого. Эта цѣнность нравственности, далѣе, чрезвычайно высока, такъ сказать, по своему характеру. Не даромъ уже въ глубокой древности геній философа Платона въ томъ истинномъ бытіи, какимъ онъ считалъ міръ идей, первое мѣсто отводилъ идеѣ блага: она, по его ученію, выше идеи истины, потому что послѣдняя является предметомъ человѣческихъ стремленій и исканій ради блага, по своей близости къ идеѣ блага; благо же имѣетъ непосредственную цѣнность, въ самомъ себѣ. Къ нему направляются всѣ душевныя силы человѣка, а не одна какая нибудь область ихъ, поэтому идея блага—центръ, объединяющій весь міръ идей. Только черезъ нее становится доступнымъ человѣку и истинное познаніе, потому что она, подобно солнцу въ мірѣ вещественномъ, проливаетъ истинный свѣтъ на все умопостигаемое. Она и причина бытія, и конечная цѣль его и въ этомъ смыслѣ она—божество¹⁾. Такъ глубоко проникалъ Платонъ своимъ геніальнымъ философскимъ умомъ въ рѣшеніе одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ нашего духа—о значеніи нравственной области въ человѣкѣ. И по существу, минуя частныя черты, общегреческаго или индивидуальнаго характера, мы должны признать основную точку зрѣнія философа вѣрною. Христіанство возноситъ благо на ту же высоту, когда указываетъ именно на любовь какъ на наиболѣе ясное и характерное выраженіе Божественной сущности въ новозавѣтномъ откровеніи ея, на любовь, такъ мощно,

¹⁾ Проф. П. И. Линицкій, Очерки исторіи философіи, древней и новой. Кіевъ. 1902, стр. 108—110.

Труды Киевск. Дух. Акад. Т. III. 1909 г.

въ такомъ поразительномъ величіи раскрывшуюся въ Божественномъ актѣ искупленія міра. И вотъ, идея блага, абсолютнаго добра и лежитъ въ основѣ нравственнаго міра человѣческой души. Но при этомъ она находится въ самой тѣсной связи со всѣми другими высшими сторонами духовной жизни человѣка, оказывая свое вліяніе на нихъ, въ смыслѣ опредѣленія истинной цѣнности ихъ, и въ свою очередь находясь въ такой же зависимости отъ нихъ. Такъ, идеи истины и красоты, въ области интеллектуальной и эстетической, сами тѣсно связаны съ идеею добра. Истинно разумное и истинно-прекрасное лишь то, что не противорѣчитъ и идеѣ блага: ни то ни другое не должно быть недобрымъ, иначе оно потеряло бы истинную, идеальную цѣнность свою; съ другой стороны, истинно-доброе не можетъ быть неразумнымъ и непрекраснымъ; то и другое необходимо связано съ нимъ: и разумность и красота такъ тѣсно связаны съ добромъ, что уже мыслятся въ немъ, присущи ему ¹⁾.

При такой высокой цѣнности своей, нравственно-доброе въ духовной жизни человѣка соединяется съ безусловною обязательностію для него. Нравственныя предписанія его

¹⁾ Въ этомъ смыслѣ идеи истины, добра и красоты—начала синтетическія. Синтетическій характеръ ихъ „очевиденъ изъ взаимной ихъ связи. Связь эта такова, что онѣ взаимно одна другую опредѣляютъ и восполняютъ.“ Проф. П. И. Линицкій, Основные вопросы философіи. Кіевъ, 1901 г., стр. 112. Еще въ болѣе тѣсную связь ставятъ ихъ В. С. Соловьевъ, представляя ихъ лишь различными сторонами *одной* идеи, „Всемирная идея, говоритъ онъ, въ самой общности своей представляется необходимо съ трехъ сторонъ... Разматриваемая преимущественно со стороны своей внутренней безусловности, какъ абсолютно желанное или изволяемое, идея есть добро; со стороны полноты обнимаемыхъ ею частныхъ опредѣленій, какъ мыслимое содержаніе для ума, идея есть истина; наконецъ, со стороны совершенства или законченности своего воплощенія, какъ реально осязаемая въ чувственномъ бытіи, идея есть красота.“ В. С. Соловьевъ, Собраніе сочиненій, т. VI, СПб. 1886—1896, стр. 41.

изъ сферы познанія переходять въ область воли, въ сферу конкретной дѣятельности человѣка, въ формѣ безусловнаго нравственнаго закона, постулаты котораго имѣютъ для человѣка категорическое значеніе. Это не правила нравственнаго поведенія, предъявляемыя этикою, не нравственные идеалы, теоретически рисующіеся нашему разуму; это—безусловныя обязательства. При этомъ, что самое главное, не въ содержаніи ихъ, самомъ по себѣ, заключается эта характернѣйшая черта нравственности—безусловность ея предписаній: въ зависимости отъ общаго нравственнаго развитія и другихъ условій содержаніе постулатовъ нравственнаго закона терпитъ много колебаній и измѣненій; тѣмъ не менѣе принудительный характеръ, категорическая, безусловная обязательность ихъ остается для человѣка неизмѣнною. Слѣдовательно, они, именно какъ постулаты нравственнаго закона, уже по этому одному имѣютъ особую внутреннюю повелѣвающую силу. Откуда этотъ категорическій характеръ ихъ, на чемъ онъ основывается? Не на данныхъ опыта, хотя бы взятаго въ самомъ широкомъ смыслѣ. Опытъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что въ окружающей насъ природѣ совершенно нѣтъ идеи нравственнаго различенія. Дѣйствуя съ безусловною необходимостью, законы физической природы вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно чужды начала, сколько нибудь напоминающаго нравственную оцѣнку фактовъ и явленій. Слѣдовательно, это черта, свойственная только человѣческому духу. Образоваться здѣсь, подчиняясь естественному закону эволюціи, тѣмъ путемъ, на который указываетъ Спенсеръ, эта область не могла: въ самыхъ свойствахъ духовной жизни человѣка, какъ уже было сказано, мы находимъ препятствія для принятія такой теоріи. Мало помогаетъ ей и предположеніе Спенсера объ участіи въ такомъ эволюціонномъ процессѣ политическихъ, религіозныхъ и общественныхъ наказаній: такая точка зрѣнія, основывающаяся на ассоціаціи представленій, предполагаетъ чисто механическое образованіе нравственной области въ человѣ-

къ и совершенно пассивное отношеніе къ ней человѣческаго духа. Между тѣмъ активность и самодѣятельность его въ этой сферѣ не подлежатъ сомнѣнію. Наше свободное „я“ — вотъ первое непремѣнное условіе для всякаго нравственнаго вмѣненія; въ немъ и исходное начало нашей нравственной оцѣнки своего поведенія и конечный пунктъ таковой; здѣсь и судья и подсудимый. Мы встрѣчаемъ факты, когда чувство безусловной нравственной отвѣтственности въ известномъ человѣкѣ можетъ не только не согласоваться съ общимъ мнѣніемъ окружающей среды, но идти наперекоръ ему, быть въ полномъ противорѣчій съ нимъ. Слѣдовательно, нравственное чувство никакъ нельзя считать необходимымъ механическимъ результатомъ коллективной работы человѣческаго духа: оно носитъ личный характеръ, запечатлѣно характеромъ свободы. Способность нравственныхъ переживаній, со всѣми характерными свойствами ихъ, составляетъ одну изъ существеннѣйшихъ особенностей человѣка, возвышающихъ его надъ животными. И она такъ-же врождена человѣку, какъ и всѣ другія высшія, чисто человѣческія способности¹⁾ его души, почему даетъ знать о себѣ весьма рано, далеко предвѣщая въ первыхъ проблескахъ своихъ ту степень развитія человѣка, которая необходима для полного проявленія ея. Какъ врожденная, способность эта уже отъ природы дается человѣку со всѣми своими существенными свойствами, хотя и въ зачаточномъ состояніи таковыхъ, а слѣдовательно съ характеромъ безусловной обязательности нравственныхъ вѣлѣній. Такимъ образомъ, выводить послѣдній изъ чего нибудь другого, кромѣ человѣческаго разума, какъ единственнаго основанія и самой этой способности, — напрасный трудъ: направляясь по любому пути, онъ все же не можетъ привести къ желательной цѣли. Категорическій характеръ постулатовъ нравственности составляетъ существенное свой-

¹⁾ Употребляемъ этотъ терминъ въ общемъ смыслѣ, а не въ принятомъ для классификаціи душевныхъ явленій.

ство способности нравственнаго различія, данное человеку вмѣстѣ съ его разумомъ отъ природы. Безъ этого свойства способность эта немислима, такъ какъ оно принадлежитъ самому существу ея.

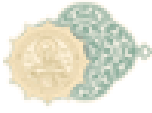
При такой высокой цѣнности этой нравственной области, съ одной стороны, и при такомъ характерѣ ея поступатовъ съ другой, естественно, что съ тѣхъ поръ, какъ человекъ сталъ жить вполне сознательною, разумною жизнью, онъ всегда выдвигаетъ именно эту сторону ея на первый планъ. И чѣмъ болѣе поднимается онъ вверхъ, по ступенямъ своего истинно-культурнаго развитія, т. е. чѣмъ болѣе обогащается его жизнь истинными духовными цѣнностями, тѣмъ все яснѣе становится для него высокое значеніе нравственныхъ основъ ея, въ ихъ чистомъ видѣ, а не въ утилитарномъ освѣщеніи.

Итакъ, ища тотъ идеалъ человека, къ которому должно стремиться воспитаніе, какъ къ конечной цѣли своей, мы никакъ не можемъ удовлетвориться тѣми чертами, какими изображенъ онъ у Спенсера, такъ какъ считаемъ невозможнымъ, ставъ на его утилитарную точку зрѣнія, зачеркнуть самостоятельное высокое значеніе нравственной стороны въ жизни человека, ограничивъ весь смыслъ послѣдней лишь борьбою за личное благополучіе, подкрашенное идеей служенія общечеловѣческому прогрессу. Безъ сомнѣнія, намъ нужны средства для борьбы за существованіе, для достиженія возможно большей суммы человѣческаго благополучія, счастья, и личнаго и общаго; однако какъ понимать послѣднее? Конечно, намъ нужны средства для преуспѣянія внѣшней культуры, нужны поэтому и тѣ науки, которыя выдвигаетъ Спенсеръ. Но есть и другая культура, высшаго порядка и, въ частности, культура тѣхъ высшихъ силъ человѣческаго духа, какими являются силы нравственныя. Здѣсь также cadaго человека ожидаетъ великая и трудная борьба за существованіе, но за какое?—не внѣшне матерьяльное, а нравственное, за преуспѣяніе тѣхъ сторонъ

человѣческой души, которыя однѣ только могутъ создать человѣку царствіе Божіе на землѣ. Нужны, слѣдовательно, вѣрныя средства для надлежащей подготовки человѣка и въ этой области. Однако, рисуя свой идеаль „полной“ жизни, Спенсеръ даже и не ставитъ этого вопроса совершенно (хотя, какъ мы знаемъ, нравственному воспитанію онъ посвятилъ цѣлый отдѣльный трактатъ). И это понятно: вопросъ этотъ въ телеологической части педагогіи Спенсера являлся излишнимъ, именно вслѣдствіе утилитарнаго характера его морали.

Таже, далѣе, основная утилитарная точка зрѣнія Спенсера послужила причиною и того, что такая высокая область, какъ эстетическая, получила лишь послѣднее мѣсто въ его идеаль „полной“ жизни человѣка. Между тѣмъ можно ли и съ этимъ согласиться, сведя всѣ основанія при рѣшеніи этого вопроса къ необходимости удовлетворять сначала важнѣйшія, неотложныя потребности человѣка и только потомъ уже, лишь въ остающіеся послѣ этого часы досуга обратиться и къ области прекраснаго? Ничего не имѣя противъ естественнаго, конечно, первенства въ жизни человѣка его простѣйшихъ, „насущныхъ“ потребностей, представляющихъ необходимыя условія для самаго существованія его, нельзя въ то же время признать таковыя и важнѣйшими вообще, высшими по вліянію на складъ его личности, на развитіе и образованіе человѣческаго характера. Въ этомъ отношеніи значеніе эстетическаго элемента огромно и далеко выходитъ за тѣ предѣлы, въ какихъ помѣщаетъ его Спенсеръ.

Если бы даже мы и приняли его сравненіе этой области съ цвѣткомъ, увѣнчивающимъ культурную жизнь человѣчества, то и въ такомъ случаѣ все же мы должны были бы признать, что аналогія эта не проведена Спенсеромъ послѣдовательно до конца, между тѣмъ тогда и открылась бы несостоятельность или, по крайней мѣрѣ, неполнота ея. Въ самомъ дѣлѣ: „цвѣтоводъ“ ухаживаетъ за растеніемъ ради

цвѣтка“; имѣя въ виду послѣдній, онъ въ то-же время всѣ заботы вкладываетъ въ здоровое состояніе корней растенія и правильное развитіе его. Да, это несомнѣнно такъ. Но можно ли то-же сказать и относительно эстетической культуры, помѣстивъ ее, согласно классификаціи Спенсера, въ самомъ концѣ всѣхъ видовъ человѣческой дѣятельности, т. е. признавъ ее вѣнцомъ или цвѣткомъ ихъ? Тогда необходимо было бы допустить, что всѣ они такъ-же нужны для нея, какъ корень и всѣ другія части растенія для цвѣтка. Но вѣдь такой связи здѣсь нѣтъ. Не изъ знанія средствъ самосохраненія и умѣнія пользоваться ими и не изъ исполненія обязанностей родительскихъ и гражданскихъ вырастаетъ эстетическая культура: для роста и пышнаго раскрытія этого, дѣйствительно, чуднаго цвѣтка нужны иные корни, свои особые живительные соки, своя атмосфера и свои условія развитія. Эта область не только не стоитъ въ прямой зависимости отъ всѣхъ тѣхъ видовъ человѣческой дѣятельности, которые Спенсеръ ставитъ впереди ея, но напротивъ, она даже чужда практически утилитарному характеру ихъ. Такимъ образомъ, аналогія эта въ такомъ видѣ не можетъ быть принята, а потому и опираться на нее въ сужденія о сравнительной цѣнности эстетической культуры нельзя. Впрочемъ, не въ этомъ сущность вопроса.

Намѣчая конечную цѣль воспитанія въ подготовкѣ человека къ „полной“ жизни и классифицируя элементы послѣдней, Спенсеръ долженъ былъ разсматривать ихъ не только въ порядкѣ ихъ „соподчиненія“ или послѣдовательности въ общемъ процессѣ эволюціи, но и по степени важнаго значенія каждаго изъ нихъ въ *созиданіи* *человѣческой личности*: педагогическая задача прямо къ этому обязывала его. И у Спенсера мы находимъ, отчасти, и эту точку зрѣнія: оцѣнивая различныя средства подготовки къ „полной“ жизни, онъ говоритъ, что нужно принимать во вниманіе и ихъ формально образовательное значеніе. Однако, признавъ, что

такое принадлежит въ наибольшей степени наукѣ, онъ на этомъ и успокаивается. Между тѣмъ именно этому критерию должно было отвѣсть подобающее ему мѣсто и въ самомъ *построеніи классификаціи*; тогда эстетическій элементъ, конечно, былъ бы оцѣненъ и помѣщенъ въ ней иначе.

Представляя воплощеніе въ прекрасныхъ роальныхъ формахъ высокаго идеальнаго міра человѣческой души, область эстетическая такъ глубока по своему содержанію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и такъ многосторонне широка по своему вліянію на душевную жизнь человѣка, что все огромное значеніе ея въ этомъ отношеніи трудно даже поддается точному анализу и должной оцѣнкѣ. Эстетическія переживанія, перенося духъ человѣка въ идеальный міръ прекраснаго, расширяютъ область жизни его, поднимаютъ его надъ узкою и бѣдною дѣйствительностью, восполняя послѣднюю иллюзіей лучшихъ, идеальныхъ формъ жизни. Что происходитъ въ такіе моменты въ человѣческой душѣ? Въ ней совершается процессъ очень сложный по своему содержанію, высоко цѣнный по своимъ качествамъ и чрезвычайно благодатный по своимъ результатамъ для человѣка, какъ ближайшимъ, такъ и отдаленнымъ. Въ актѣ чистаго „эстетическаго созерцанія“ духи наши, охваченный восторгомъ предъ красотою созерцаемаго предмета, какъ бы перевоплощается въ послѣдній, сливается съ нимъ, уносясь въ идеальный міръ этой особой эстетической иллюзіи. Душевные силы при этомъ приходятъ въ состояніе повышенной остроты и особенной жизнедѣятельности: быстро, ярко-отчетливо, свободно и легко работаетъ мысль; фантазія неудержимо уносится въ идеальную область и творитъ чудные образы, а вмѣстѣ съ тѣмъ зарождается рядъ желаній и напрягается воля къ соотвѣтствующей имъ дѣятельности. Весь этотъ сложный процессъ душевныхъ переживаній носить одинъ общій чрезвычайнс

благотворный для челоуѣка тонъ—высокой чистой радости. Подъ вліяніемъ идеальной красоты созерцаемаго челоуѣкъ способенъ прійти въ состояніе того примиренія съ пошлою дѣйствительностью, того общаго покоя, гармоніи, удовлетворенія, когда „смирятся души тревога“, „расходятся морщины на челѣ“, и примиренный, очищенный и окрыленный духъ нашъ становится способнымъ на все доброе, прекрасное, высокое. Въ такомъ состояніи низменныя эгоистическія склонности ступеньваются и умолкають, уступая мѣсто высокимъ порывамъ любви ко всѣмъ людямъ, ко всему міру: въ идеальномъ подъемѣ чистаго эстетическаго наслажденія мы готовы не только „друзей и братьевъ“, но и „враговъ и всю природу“ „въ свои объятія заключить“. Естественно, что въ такомъ настроеніи челоуѣкъ съ особенною легкостью пріинимаетъ и къ міру безконечнаго, божественнаго, переживаетъ то состояніе религіознаго воодушевленія, когда „и вѣрится, и плачется“, когда „счастье я могу постигнуть на землѣ и въ небесахъ я вижу Бога“.

Эти богатства и глубина душевныхъ переживаній, порождаемыхъ созерцаніемъ прекраснаго—въ природѣ-ли или въ искусствѣ—должны опредѣлять значеніе этого элемента и въ воспитаніи. Очевидно, оцѣнивая его съ педагогической точки зрѣнія, нельзя руководиться однимъ утилитарнымъ принципомъ Спенсера, а нужно брать эстетическую область во всей ея широтѣ, въ совокупности всѣхъ вліяній ея на душу челоуѣка. Вліянія же эти чрезвычайно благотельны для всѣхъ сторонъ душевной жизни челоуѣка, будемъ ли разсматривать его, слѣдуя Спенсеру, какъ индивидуума, или какъ члена рода. Въ послѣднемъ отношеніи важно то, что чистое наслажденіе прекраснымъ не разъединяетъ, а сближаетъ людей. Въ немъ нѣтъ импульсовъ для вражды и отчужденія; напротивъ, помимо пробужденія общаго бла-

гожепательнаго альтруистическаго настроенія, въ немъ заключаются элементы, иногда усиливающіе національное объединеніе, пробуждающіе чувство національной сопринадлежности (если мы имѣемъ дѣло съ эстетическими явленіями ярко-національнаго характера), но чаще способные объединять всѣхъ людей, будучи доступны для эстетическихъ переживаній всѣхъ націй. При этомъ нельзя не отмѣтить и такой важной въ педагогическомъ отношеніи черты въ разсматриваемой области. Воплощенные въ прекрасныя реальныя формы, въ чудныя конкретныя образы, самыя высокіе идеалы находятъ такое яркое и плѣнительное выраженіе для себя, что воспринимаются безъ всякаго труда, легко и свободно, доставляя лишь радость и наслажденіе. И истина, и добро, въ этихъ эстетическихъ воплощеніяхъ, дѣйствуютъ на душу „созерцающаго“ ихъ особеннымъ образомъ—не готовыми интеллектуальными или моральными положеніями, для которыхъ могутъ быть закрыты нашъ умъ или наше сердце, а общимъ радостнымъ, поднимающимъ духъ обаяніемъ, овладѣвающимъ прежде всего нашимъ воображеніемъ, а чрезъ него и всею душою. Понятно все важное значеніе въ педагогическомъ отношеніи такой легкости воздѣйствія. Но помимо всего этого, разсматривая эстетическую область съ той же педагогической точки зрѣнія, нужно имѣть въ виду еще и тотъ особый характеръ, какимъ отличается душа человѣческая именно въ періодъ воспитательнаго воздѣйствія на нее: это—то состояніе еще сравнительной душевной чистоты, склонности къ идеализму и высокимъ порывамъ, которое такъ свойственно юности, еще нетронутой пошлостью жизни и потому окрашивающей весь міръ въ розовыя тоны. Чарующее обаяніе красоты особенно сильно именно въ эти годы, когда юныя сердца такъ легко воспринимаются ею, а всѣ силы души такъ свѣжи и подвижны. При такой особенной отзывчивости именно юности

къ воздѣйствіямъ эстетическаго характера съ одной стороны и при многосторонности, глубинѣ, благотворности и легкости этихъ воздѣйствій съ другой, становится совершенно яснымъ, какое важное значеніе должно быть отведено эстетическому элементу въ воспитаніи. Между тѣмъ Спенсеръ, удѣливъ ему лишь послѣднее мѣсто въ содержаніи своего идеала „полной“ жизни человѣка, даже не считаетъ нужнымъ или интереснымъ хотя-бы остановиться на этой сторонѣ воспитательнаго процесса подробнѣе: въ то время какъ воспитаніе умственное, нравственное и физическое разсматриваются имъ каждое въ особомъ трактатѣ, эстетическое, какъ и религіозное, оставлено безъ вниманія. Все, что встрѣчаемъ мы по этому вопросу мимоходомъ въ его педагогическихъ статьяхъ, проникнуто однимъ общимъ отрицательнымъ характеромъ, направлено лишь къ тому, чтобы обезцвѣтить эстетическій элементъ въ воспитаніи.

Итакъ, къ какому же общему выводу должны мы прийти послѣ всего этого анализа вопроса о конечной цѣли воспитанія, какъ рѣшается онъ у Спенсера? Отдавая должное, во-первыхъ, ясности, съ какою анализируется этотъ вопросъ англійскимъ философомъ, и, во-вторыхъ, особой практичности рѣшенія его, мы въ то же время не можемъ удовлетвориться послѣднимъ, не признавая возможнымъ раздѣлить взглядъ Спенсера на нравственный и эстетическій элементы въ жизни человѣка и въ воспитаніи. Спенсеръ „оставляетъ свое вниманіе на рабочемъ, промышленникѣ, отцѣ семейства, гражданинѣ; но человѣка, какъ личность, онъ забываетъ“, говоритъ Компейре ¹⁾, и съ этимъ нельзя не согласиться *).

Н. Маккавейскій.

¹⁾ Габр. Компейре, цит. соч., стр. 32.

*) Продолженіе слѣдуетъ.